

ВИКТОР ПАСТУХОВ

ГОЛГОФА

1

Душевный лад безверьем исковеркав
и расточив по мелочи добро,
в бреду узнал я брошенную церковь
и кое-как до паперти добрёл.

Был двор пустым, но, кажется, недавно
подновлены кресты и купола.
А через окна против ожидания
лучился свет в квадратиках стекла.

Войдя в притвор с поникшими плечами,
я поднял изумляющийся взгляд
на фрески, оживлённые свечами,
на лики в озарении лампад.

Как на суде, объятый страхом смертным,
стоял я на скрещении веков,
как будто стало плоское трёхмерным
и приоткрылся прошлого покров.

И тут в его глубины я сорвался,
вертась в потоках мутных, словно червь.
Пульсировали время и пространство,
пока не обрели привычных черт...

ПАСТУХОВ Виктор Степанович родился в Приморье. Окончил электротехнический институт. Преподает автоматизацию энергосистем. Публиковался в журнале "Наш современник" и в альманахе "Литературный Владивосток". Автор трёх стихотворных книг. Живёт и работает во Владивостоке.

Во мне росло предчувствие злодейства:
толпа, гора, тяжёлые кресты,
Приговорённый, снятая одежда...
Но почему смятённым духом здесь я?
И кто раздвинул времени пласты?

Толпа плюёт и корчится от злости:
— Он богохульник! Так его! Распни!
Взмывают молотки, дробятся кости,
и разрывают кованые гвозди
Его ладони и его ступни.

День потемнел, уподобляясь ночи.
И за верёвки несколько солдат
подняли крест.
Любви и муки взгляд
Он к небу обратил:
— Прости их, Отче,
ибо не знают, что они творят.

Из древа древнего,
что выращено Лотом
(так искупал он скорбный свой инцест),
морёный вознесённый к небу крест
омылся кровью праведной и потом
Спасителя по промыслу небес.

Так все грехи людские от Адама
Он искупал, приемля злую казнь.
И затекали капли крови прямо
на череп праотца, что был как раз
в самой Голгофе погребён глубоко,
где встало основание креста...
О, Господа провидческое око!
О, гибельная наша слепота!

За правду и добро, за эту жертву,
за жизнь, обещанную вне земли,
мы губку на копье, напитанную желчью
и уксусом, Страдальцу поднесли.
Мы все, кто жил во лжи —
тогда и позже,
кто клеветал, невинного виня,
и праздновал, над праведным чиня
расправу.
Мы, которые, ничтоже
сумняшесь, до нынешнего дня
бросаем грязь и камни, слыша:
“Боже!

За что, зачем оставил Ты Меня?”

Мы сами — судьи.
Что нам чьи-то муки?
И совершилось —
вдох последний в руки
Отца распятый Сын предал.
И солнца свет померк в округе.
И космос мрачно звёздами взирал
на нашу подлость и неверность.

И почва сотряслась.
И камни скал
Расселись, и гробы отверзлись.
И надвое разодралась
завеса в храме, открывая
святилище для недостойных глаз,
как открывалась истина сейчас,
когда минута роковая
засела в памяти у всех,
кто смутно сознавал свой грех,
на фарисейский суд кивая.

Но даже те, что били себя в грудь,
содеянному ужасались,
не разглядев сквозь ложь и зависть
Его Божественную суть.

Лишь римский сотник,
грубый, как горбыль,
невозмутимый управитель казней,
при стражниках сказал, как отрубил:
— Воистину Он Сыном Божиим был!
И с этим молча согласился каждый.
Чужие воины, за коими — империя,
где сила равнозначна правоте,
где веру замещали суеверия —
не диво ли? — по чёрствой простоте,
не заражённой гнилью лицемерия,
но опознали Агнца на кресте.

Но были там, среди хулы и гнева,
и те, кто в горе сжался и поник:
напротив Сына — Пресвятая Дева,
Мария Магдалина — слева.
Ещё любимый ученик
и многие другие. Только в них
Христовы страсти отзывались болью.
И вера их, скреплённая любовью,
Его Завет донныне сберегла,
и Церковь, обличительницу зла,
воздвигла на Земле во славу Божию.

Святые же потом,
когда Христос воскрес,
вставали из гробов, являясь многим,
и называли Иисуса Богом,
который мир спасти сошёл с небес.

А вскорости апостолы в дорогу
пустились окормлять людей
и удалялись понемногу
от близких сердцу рубежей,
дивясь тому, что в темноте своей
язычник оказался ближе к Богу,
чем посвящённый иудей.
И слава о Христе во все края пошла,
питая мир плодами новой веры.
И камень, что строители отвергли,
навек стал главой священного угла.

Всё кончилось. Заря меж днём и ночью
прорезала багровую межу.
В своей постели, приподняв цепочку,
нательный крестик у лица держу.
Он почернел от окислов и пота,
но барельеф мерцает серебром.
И снова всё, навеянное сном,
увидел я, смыкая веки плотно.

Вся жизнь моя прошла передо мной:
бездумная, беспутная, пустая.
И замерев от ужаса у края,
признался я, терзаемый виной:
“Не мор, не катаклизмы во вселенной,
не лживый мир америк и европ —
в конечном счёте нам готовит гроб
безумный зов души растленной”.